

Вандор
Хельга

Матинственный
Зов Севера

книга 4

Неведомые миры

18+

Вандор Хельга

Тайнственный зов севера

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Вандор Хельга

Таинственный зов севера / Вандор Хельга — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-532-95085-6

Отправляясь в этнографическую экспедицию в хибинские тундры, студенты и не предполагали, что им вскоре предстоит срочно прервать свой вояж, поскольку они столкнутся с пугающими, необъяснимыми явлениями. Нойд Юхани – саамский колдун – помогает незадачливым студентам убраться восвояси. Это его земля, его и древних сил, до сих пор живущих в скалах и сейдах. Здесь пересекаются разные Миры: Подземный, Альвийский, Параллельный и Огненный. А любовь – она пронизывает все Миры и не подчиняется никаким законам...

ISBN 978-5-532-95085-6

© Вандор Хельга, 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

От автора	5
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Вандор Хельга

Таинственный зов севера

От автора

Те, кому довелось жить на Севере, утверждают, что он манит к себе. Да, там холодно, неуютно и дико. И, тем не менее, Север навсегда поселится в вашей душе, если вы хоть раз побываете там.

Далеко от цивилизации, в диких и труднодоступных северных местах, кое-где на земле до сих пор ещё виднеются сакральные спирали, выложенные из камней. Одни из них скрылись в травах, мхах и стланниках, другие так и лежат поверх каменистых тундр, каждый раз вызывая у равнодушных и любознательных людей неизменные вопросы: что это за сооружения? Кто их создал? Когда? Для чего?..

Но Земля тщательно скрывает свои тайны, которых у неё предостаточно.

Зачем алчному вандалу, коим является человек современный, открывать сакральные знания?.. Зачем ему знать, что грань, разделяющая Миры, хрупка, непрочна, и разрушить её может даже, как образно выразился один человек разумный, взмах крыльев бабочки? И уж вовсе не нужно знать современному человечеству то, что разница между Мирами заключается лишь в скорости их вибраций, но отнюдь не в пространственных координатах...

Глава 1

Над густой темнохвойной тайгой вздымался в бирюзу летнего северного неба сглаженный горный хребет. Непролазные леса подступали к его подножью с юга но, карабкаясь по склонам, основательно редели, после чего их сменял курумник – каменистая осыпь. К северу горный хребет сменяли обширные болота, поросшие чахлыми редкими осинками; луга, покрытые сетью многочисленных ручьев и рек; синие озёра; а далее тянулись каменистые тундры и скрывались в синем мареве.

Дикие безлюдные края... Казалось, природа здесь торжественно застыла, навсегда вернув себе былое превосходство над людской суетой. Да, было и здесь, в северных широтах, такое время, когда некие энтузиасты, вдохновившись идеей разрушить весь мир до основания, самозабвенно уничтожали многолетние родовые устои. Последовавший за этим прогресс и подъём экономики можно было бы приветствовать, но, видимо, энтузиасты чего-то не учли: свидетельством тому стали вначале заброшенные усадьбы, а затем – целые деревни и посёлки.

Впрочем, природе не было никакого дела до суетного мира людей. Как было во все времена и на всех землях, она стремилась восстановить жизнь на испоганенных цивилизацией территориях. Вот и сейчас, лишь только сошли снега, потянулись ввысь, к сдержанному северному солнцу мхи, травы, кустарники. А затем расцвели тундры – внезапно и буйно. Каждая травинка торопилась согреть в солнечных лучах своё главное украшение – цвет, а затем взрастить плоды – продолжение своего существования. Жизнь торжествовала, и никакой цивилизации её не уничтожить!..

Сегодня это дикое безлюдье было нарушено миловидной светловолосой девушкой. Она вышла из леса к южному подножью горы и быстро вскарабкалась по курумнику наверх, на скалистое плато.

Это была Вьокко – юная дочь нойда Юхани, тоненькая, высокая и сероглазая. На ней было платье из белого сукна, искусно расшитое бисером и тесьмой; таким же образом был расшит и пояс, подчёркивающий гибкую тонкую талию северной красавицы; и каньги – изящные короткие сапожки с загнутыми носами.

Девушка всякий раз поднималась на эту вершину, прежде чем отправиться за ягодами вон на те обширные болота. Приходила Вьокко сюда специально, чтобы оставить угощение священным древним силам, живущим в сейде. Так во все времена поступали саами, и так будет впредь.

Она подошла к сейду – огромному валуну. Опираясь одной стороной на три небольших камня, он, непонятно каким чудом, сохранял равновесие. У рационального человека это обстоятельство вызвало бы недоумение, поскольку эти три камня находились с одной стороны сейда и, следовательно, никак не могли служить прочным основанием. Но для саами вопросов никогда не возникало – обычный сейд, Летящий камень – что тут особенного?..

Положив на валун узелок с нехитрым угощением, наскоро пробормотав слова благодарности священным силам, девушка затем отошла в сторону, к своей карсикко – молодой ели. Эта ель была посажена нойдом Юхани в тот самый год, когда Ирене – его жена и мать Вьокко – ушла в мир, где нет печали.

Нижние ветви ели были срублены, а на месте одной из них образовалось небольшое углубление. Вьокко погладила шероховатый ствол, прижалась к нему щекой и закрыла глаза. Карсикко была тёплой и доброй. «Как мама. Она сказала, что всегда будет рядом. Может, душа её и сейчас здесь, в этой карсикко?..»

Впрочем, молодость недолго лелеет печаль. Вьокко отошла от ели и направилась к северному краю плато. Там она остановилась, жадно вглядываясь в открывшиеся просторы, завораживающие своим величием. Здесь девушка всегда чувствовала некий предел, зыбкую грань

между жизнью настоящей и будущей, скрывающейся где-то там, за горизонтом, и отсюда кажущейся безоблачной, как вот это ясное северное небо. Привычный с детства сумрачный мир тайги здесь отступал, открывая голубоватые дали, над которыми ей всегда хотелось парить в вышине!

Вьокко отошла от края горы, раскинула руки и, подставив улыбающееся лицо спокойному солнцу, закружилась на каменистом плато. Светлые волосы девушки подхватил лёгкий ветерок, и она тихонько засмеялась. Лёгкое и радостное ощущение, переполняющее её сейчас, можно было сравнить со свободным парением птицы в поднебесье. Может, такая особенность была у этого священного места – вызывать подобные чувства? Во всяком случае, Вьокко кружилась вот так всегда, сколько помнила себя – с самого детства...

В какой-то момент она вдруг отчётливо ощутила чьё-то присутствие.

Ничем не выдав своего осведомления, Вьокко прислушалась к своим ощущениям – так учили её родители. Некто опасности не представлял – это первое, на что она попыталась почувствовать ответ. Именно так – почувствовать ответ.

Второе – это был не зверь.

Человек?!.. Здесь?!.. Вьокко осмотрелась: она по-прежнему была одна. Но человек находился где-то неподалеку – она это ощущала совершенно явственно! Похоже, он находится вон там, у сейда...

– Эй, – окликнула девушка, – выходи!.. Ну выходи же!..

В самом деле, несколько мгновений спустя, из-за сейда показался юноша. Он был светло-волос и светлоглаз, как и Вьокко, да и возраста примерно такого же, однако было в его облике что-то необычное, нездешнее... Может, это из-за его странной одежды из какого-то серебряного тонкого материала?

Юноша не двинулся к ней навстречу, а нерешительно стоял там же, за сейдом.

– Ты кто? – одновременно спросили они оба и так же одновременно рассмеялись, словно были сто лет знакомы.

– Я Вьокко.

– А я Ульяс.

Несмотря на появившуюся между ними непринуждённость, Ульяс продолжал оставаться на том же самом месте. Вьокко не обратила внимания на эту его странность и, приблизившись к сейду, сделала пару шагов вправо – к Ульясу.

Тот отступил на столько же шагов – влево, за сейд.

Вьокко остановилась, удивлённая:

– Ты что – боишься меня?..

Юноша покачал головой. На его лице отобразилось смещение чувств.

– Это не то, что ты думаешь...

– А ты знаешь, что я думаю? – улыбнулась она.

Ульяс повёл плечами, и Вьокко вообще стало весело. В школе-интернате, где она училась в детстве, девочки дразнили её чухонкой, а мальчишек она вообще избегала. Дети часто бывают жестоки. Но чтобы взрослый парень боялся её?..

– Почему ты прячешься?

Вьокко сделала ещё несколько шагов вправо, Ульяс – столько же влево.

Вьокко остановилась в недоумении – что-то было не так. Во-первых, откуда он взялся здесь, где до ближайшего жилья – не один десяток километров?.. Во-вторых, он не был ни местным жителем – саами, ни каким-нибудь геологом, туристом или прочим человеком, изредка забредавшим сюда раз в несколько лет...

Нужно было что-то предпринять! Не ходить же им целый день вокруг сейда!

Вьокко любила побегать на открытых пространствах за куропатками, просто так, ради забавы, ведь друзей у неё здесь не было. Вот и сейчас она, словно упреждая взлёт птицы, сделала вначале резкий обманый бросок тела влево, затем прыжок вправо и...

И ничего не случилось! Она просто и легко поймала этого странного Ульяса за руку и воскликнула:

– Попался!

На что тот отреагировал взглядом, полным замешательства и смятения.

«Что я наделал! Я не должен был показываться ей, мне нужно было скрыться! Ведь люди Верхнего Мира теряют свою жизненную силу при контакте с нами! А теперь эта девушка должна будет либо уйти со мной, либо погибнуть здесь – другого выбора у неё просто нет...»

Вместе с тем, от прикосновения девичьей руки юношу охватило новое неведомое чувство. Он не смог бы его описать словами... Видимо, это её жизненная сила струилась, переходя в него, заставляя сердце забиться гулками толчками. Ульясу нестерпимо захотелось прижать Вьокко к себе и навсегда увести из этого злобного мира! Она была такая красивая... Под платьем из тонкого белого сукна угадывались безупречные формы её сильного и стройного тела. От быстрого движения щеки девушки раздурманились. Вот она улыбнулась, и на них появились милые ямочки...

Но разве такое возможно: привести домой девушку из Верхнего Мира?..

Пока юноша раздумывал, Вьокко, притихшая, словно маленький чуткий зверёк, тоже прислушивалась к себе и к нему. Ульяс очень понравился ей! Выросшая среди природы, с детства воспринимая её естественные законы развития и размножения, Вьокко не была подвержена ни ложной стыдливости, ни ханжеству. Для неё сейчас всё было предельно просто и понятно: это он, мой суженый, моя любовь!

Не дождавшись, когда тот осмелеет, она просто и бесхитростно прижалась к парню. И почувствовала себя самой счастливой в мире! Да и Ульяс, отбросив, наконец, свои сомнения, обнял доверчиво прильнувшую к нему девушку – сначала несмело и осторожно, затем властно, по-мужски. К его огромной радости, она подчинилась, ответив на его ласку! Закрыв глаза, с замиранием сердца он отыскал её горячие губы и припал к ним, как к живительному роднику, затем поцеловал её пахнущие хвоей волосы... И, наконец, осмелился задать девушке вопрос, может, и преждевременный при других обстоятельствах, но абсолютно необходимый сейчас:

– Пойдёшь за меня?..

Он обречённо ждал ответа. Он знал, что случится с ней, потерявшей свою жизненную силу, если она не согласится уйти с ним: Вьокко просто умрёт в короткий срок, не исполнив своего жизненного предназначения. И он до конца своих дней будет обречён жить с непоправимым чувством своей вины, ведь невозможно быть счастливым, забрав чью-то жизнь!

– Пойду, – легко ответила она.

Ульяс ласково погладил её доверчивое лицо. Но пойдёшь ли ты, узнав, куда нам придётся идти?..

– Вот только отец... – в голосе девушки прозвучало сомнение.

– Разве он не мечтает выдать тебя замуж?

– Да, но... Что мне ему рассказать о тебе? Кто ты, из какого рода?..

Ульяс помедлил с ответом. Он ждал этого вопроса и боялся его.

– Мой род живёт далеко, очень далеко отсюда, – уклончиво ответил он. – Все мои родственники – достойные люди. А со здешними жителями мы не пересекаемся. Но ведь и вы с отцом не стремитесь к общению с ними, не так ли?

Вьокко кивнула. С тех пор, как отец с матерью забрали её из школы-интерната, прошло уже шесть лет, и за это время она могла по пальцам пересчитать редкие встречи с другими людьми. Все они были местными жителями, саами, и приходили к её отцу, нойду Юхани, только по насущным вопросам. Что же касается пришлых представителей власти, то ещё не

было случая, чтобы кто-то из саами показали им дорогу в жилище нойда, спрятанное в дремучей лесной чащобе. Он сам появлялся и выходил к ним, если было необходимо.

Ульяс выпустил девушку из объятий и отошёл в сторону. Сейчас. Я должен рассказать ей. Она должна знать всё.

– Я из рода сирти...

Он хотел уточнить, слышала ли она о сирти, но это уже было излишне: девушка вздрогнула, и ужас отразился на её лице.

– Сирти?!.. «Сирти! Так вот почему у него такой странный выговор! Говорят, когда-то они жили рядом с нами, прежде чем уйти в подземелья...»

Сердце юноши упало. Вот и всё. Она останется здесь и погибнет. И всё это из-за моей прихоти. Я не должен был показываться ей на глаза. А тем более – прикасаться к ней!..

– У нас светлый, красочный Мир, – заговорил он ровно, пытаясь не показать своего отчаяния. – Мой народ живёт там счастливо, никому не причиняя зла. Но, конечно же, вот таких просторов, как здесь, у нас нет.

Они оба, не сговариваясь, взглянули на сдержанную северную красоту покатых гор, тянувшихся за болотом до самого горизонта и сливающихся с ним в синеватой дымке. Как ни странно, но именно эта пустынная бесконечность каким-то непостижимым образом объединила их сейчас. Настолько, что руки юноши и девушки робко потянулись друг к другу и прижались, чуть вздрагивая... И это прикосновение, лёгкое, как крылья бабочки, внезапно что-то изменило вокруг – даже сейд запел! Это была нежная трогательная мелодия свирели... Неважно, как объясняют эти звуки учёные – колебанием воздуха или чем-то ещё. Ульяс же и Вьокко, бесхитростные в своих первых чувствах, сразу поняли – это сами сакральные силы благословляют их союз!..

– А... А как же вы там живёте без солнца, в темноте? – повернулась к нему лицо Вьокко.

– Это сейчас у вас здесь светло, а потом вы полгода живёте в темноте. А у нас всегда светят агники, это такие маленькие солнышки, их много.

– У нас ночью светят луна и звёзды, а ещё бывают полярные сияния, тогда тоже много света, – сказала Вьокко, и тут же добавила безо всякого перехода: – Я пойду за тобой. Жена всегда уходит в Мир мужа – так говорила моя мама. Она тоже так поступила.

Ульяс, не веря своим ушам, осторожно повернул голову и всмотрелся в лицо девушки.

– Ты... Согласна уйти со мной в Подземный Мир?!.. Вот так, сразу?...

– Да, – на её лице была бесхитростная улыбка. – Вот только отец... Не говори ему, что ты из рода сирти, хорошо? И я не скажу.

Вместо ответа Ульяс прижал девушку к себе и осыпал нежными поцелуями. О том, что ему придётся уговаривать ещё и своих родителей, он сейчас не думал. Чудесная радостная жизнь открывала перед ними свои перспективы!

– Хорошо, моя любимая, моё счастье, отцу мы не скажем. А маме?

На лицо Вьокко набежала тень.

– У меня нет мамы. Когда мне было десять лет, я сильно заболела. Тогда мама забрала себе мою болезнь и ушла с ней в мир предков. Но она сказала мне, что всегда будет рядом.

Ульяс стоял, бережно обнимая Вьокко и вдыхая запах её волос. Ему было очень жаль её, но что же делать – законы природы везде одинаковы: старое отмирает, новое зарождается.

Вьокко высвободилась из его объятий.

– Мы пойдём к отцу сейчас?

– Нет, – покачал головой Ульяс, – не сейчас. Ты не спеши с ответом, ведь это – на всю жизнь. Я обязательно приду к вам – просить благословения у твоего отца, и тогда, если ты не передумаешь, мы уйдём вместе.

– Скоро?

– Скоро. А сейчас иди.

– А ты?

– И я уйду, но после тебя.

– Хитрый какой, – звонко рассмеялась Вьокко, – боишься, что увижу вход в Подземный Мир? Он под этим сейдом, да? Но как же ты поднимаешь камень – он ведь такой тяжёлый!

– Я пока не могу тебе всё рассказать.

– Ладно, – легко согласилась Вьокко, – до встречи!

Они подошли к краю горы. Вьокко ещё раз обняла парня, и, поднявшись на цыпочки, поцеловала его. А затем стала легко спускаться вниз по каменной осыпи. Некоторое время Ульяс наблюдал, как её ладная фигурка в светлом платье мелькала на курумнике. Ещё через несколько минут девушка стала отдаляться в сторону заросшего мягким мхом болота.

Тогда Ульяс вернулся к сейду и начертал на нем какие-то знаки. Спустя мгновение камень посветлел и стал прозрачным. Ульяс прошёл прямо в него, при этом прозрачность всколыхнулась, подобно толще воды в озере. А ещё через мгновение сейд восстановил свой первоначальный вид.

Вьокко оглянулась, но на вершине горы уже никого не было.

Глава 2

Михаил Шуляк, высокий блондин спортивного телосложения, студент географического факультета, сидя на корточках посередине своей комнаты, неторопливо и привычно складывал в походный рюкзак необходимые вещи. Ещё на первом курсе Михаил, будучи в то время не самым выдающимся, но уже довольно опытным альпинистом, впервые попробовал себя в новом качестве – альпиниста-спелеолога в составе исследовательской группы самого Арутюняна, заведующего кафедрой географического факультета. Первая же экспедиция в Воронью пещеру настолько поразила его, что Михаил сразу и безоговорочно ударился в спелеологию.

И вот сейчас четвертый курс университета был успешно завершён, экзамены сданы. Наступивший летний сезон Михаил собирался провести в Хибинах, в компании таких же, как и он сам, друзей-бродяг, за плечами которых было великое множество туристских троп могучей и необъятной Родины. Цель похода для всех была обозначена как познавательно-спортивная, хотя сам Михаил и его ближайшие помощники надеялись, что им удастся приоткрыть некоторые тайны Севера...

Вскоре всё снаряжение, от носков до беседочного карабина, было уложено. На столе осталась лежать только карта предстоящего маршрута. Не далее, как вчера, над ней до хрипоты спорила троица – Веня, Ваня и сам Михаил – «мозговое ядро» предстоящей экспедиции:

– А я говорю – сюда, к Сейдозеру! – горячился Веня, худощавый подвижный брюнет невысокого роста, тыча в карту пальцем. – Здесь была экспедиция Барченко, здесь и нужно искать таинственный подземный вход!

– Остынь, живчик, – густо басил ему в ответ Иван, внешность и неторопливые движения которого выдавали в нём помора, – там уже столько исследователей было – тьма, да только никто ничего не отыскал. Зачем зря терять время? Я предлагаю идти вот по этому маршруту, через болота, сюда. Здесь находится лабиринт, вавилон, по-местному – очень интересная и загадочная штука! Мне о нём рассказал один знакомый турист.

– Врёт твой знакомый! Все лабиринты находятся на Соловках!

– А вот и нет. Просто местные жители почему-то никому о них не рассказывают...

Их спор прекратил Михаил.

– Значит, так, – подвёл он итог прениям. – Вот этот маршрут, к Сейдозеру – основной, а этот, к лабиринту – запасной. Пойдём по основному маршруту, ну, а если что-то пойдёт не так – отправимся на запасной.

Такой вариант понравился Вене, но не Ване.

– А почему не наоборот? – хмуро спросил он, понимая, что уступить придётся ему.

– Потому что я уже созвонился с проводником и обрисовал ему в общих чертах основной маршрут.

Но было кое-что, о чём Михаил умолчал: он не стал уточнять конечной цели маршрута, поскольку проводник Вейо был саам, а Сейдозеро, к которому направлялись студенты, саами считали сакральным. Возможно, Вейо откажется вести их к священному озеру. Впрочем, может и согласится: Вейо человек образованный, а на дворе двадцатый век.

Михаил сходил на кухню, достал из холодильника бутылку пива и налил его в стакан. Затем присел к столу и, развернув карту, углубился в её изучение. Неожиданно раздавшийся звонок телефона заставил его вздрогнуть от неожиданности. Рука парня дрогнула, и пиво хлюпнуло ему на футболку.

– Чёрт... – пробормотал он в трубку.

– Ты чего ругаешься? – удивился в трубку Юрий Станчив, друг Михаила.

– Да пиво разлил, балда, – с досадой на себя ответил Михаил.

– А... К тебе можно? Я тут сюрприз приготовил.

– Да? Ну, заходи.

От соседнего дома, в котором проживал Юрий, было пять минут ходу, и вскоре он уже звонил в дверь.

– Вот, – едва переступив порог, протянул Юрий другу новенькое переговорное устройство, – это переговорник, специально для тебя усовершенствовал. Бери, не пожалеешь. Я тут на порядок усилил сигнал за счёт...

– Давай только без теории и сопромата, – поморщился Миша, – ты же знаешь, я топтун, а не головастик... Сигнал, говоришь, усилил?

– Именно. Возьми, не пожалеешь.

– Ну ладно, спасибо, – Михаил с благодарностью взял переговорник и положил его на рюкзак сверху. – Хорошая экипировка – на вес золота. Идём, пивком угощу.

Парни уселись на кухне за небольшим столом, на который Михаил выставил пару стаканов и две бутылки холодного пива – для себя и для друга.

– Уже собрался? – поинтересовался Юрий, окидывая взглядом торжественно стоящий посередине комнаты рюкзак.

– Да, вечером поезд. Ну, а ты как? Договорился на счёт своего участия в археологической экспедиции?

– Отказался, – легко ответил Юрий, и Михаил от удивления вытаращил глаза.

– Да ну?.. Не может быть! Ты же так этого добивался... А как же твоё изобретение?

– Разбилось изобретение, – так же, легко, ответил Юрий и уточнил: – твой кристалл разбился.

Михаил изумился ещё больше – не столько тому, что кристалл разбился, а той лёгкости, с которой его друг отвечал.

– Ну и дела... – присвистнул он. – Так ты пришёл просить для своего индикатора другой кристалл? Но у меня больше такого нет...

Великолепный образец кристалла горного хрусталя, являющийся, так сказать, сердцем прибора, был подарен Михаилу одним алтайским шаманом в знак благодарности за спасённого из лавины сына. Камень был сакральным, то есть, использовался в каких-то туземных обрядах – так объяснил Миша. Но у Юрия он выступил в другой роли – стал основой сверхчувствительного индикатора.

– Нет, не надо, – ответил Юрий. Затем, немного помолчав, добавил: – Миха, ты только не смейся, но сегодня, после того, как... Словом, во мне что-то теперь усиленно противится этой затее – проникновению в мир сверхслабых физических взаимодействий. Я и раньше-то сомневался, а теперь вообще...

– А что произошло? – Михаил допил остатки пива. – Ты ведь был просто одержим идеей создания своего индикатора.

– Сам не понимаю, – пожал плечами Юрий. – Позавчера ночью проснулся, показалось, кто-то стучит в окно.

– На седьмом-то этаже? – хмыкнул друг.

– Вот и я о том... Ну, конечно же, понял что это просто приснилось. Вот только после этого случая словно кто-то в башке засел и долдонит: не лезь, не лезь... А после того, как Марьяна грохнула кристалл...

– Марьяна? Кто это?

– Да так, родственница маминого знакомого, профессора археологии, того самого, который пообещал взять меня в экспедицию. Заходили они к нам вчера в гости.

– Ага, – понимающе кивнул Миша, – и эта барышня от одного взгляда на тебя, не справившись со своими чувствами, кокнула прибор. Так?

– Чепуху несёшь, – передёрнул плечами Юрий. – Но результат верный.

Михаил потянулся к холодильнику и достал ещё бутылку пива.

- И что теперь ты собираешься делать?
- Да так, мыслей много всяких, но пока ничего конкретного, – пожал плечами Юрий. – Тебе вот завидую – у тебя всё просто...
- Мне? – изумившись, Михаил даже поперхнулся. – Да ведь это же тебе все на курсе завидуют – как же, светило науки!
- Наука, конечно же... – протянул в раздумье Юрий. – Меня вот на днях в НИИ ядерных исследований приглашали, сказали, что после защиты диплома возьмут к себе.
- Вот видишь. А я что? Ну, буду простым учителем географии в обычной школе.
- А может, мне тоже пойти в школу?
- Тебе?.. – вытаращил глаза Миша. – Учить балбесов? Юрка, ты что – умом двинулся? С твоей-то головой...
- Юрий крутил пустую бутылку по столу.
- Но ты же вот собираешься работать учителем.
- Сравнил тоже, – хмыкнул его друг. – Честно говоря, я и сам в последнее время думаю: может, мне переквалифицироваться в инструктора-спелеолога?..
- Кстати, Миха, я давно хотел тебя спросить: а почему ты переключился с альпинизма на спелеологию? Как там у Высоцкого: весь мир на ладони, ты счастлив и нем... А ты – под землю...
- Ага, – весело подтвердил Михаил, – под землю, в грязь! И это – после сверкающих белоснежных вершин! Можешь представить?
- Представить – да, а вот понять... Наверное, под землёй легче?
- Легче? – расхохотался его собеседник. – Да ты хоть представляешь себе, каково это – протиснуться сквозь шкуродёр? Или долдонить дятлом завал? Я уже не говорю об опасности обвалов, обрывов крепления... А, что тебе говорить, «чайнику», – он махнул рукой. – Нужно хоть раз самому побывать под землёй, чтобы хоть что-то понять.
- Да? – Юрий задумался, склонив голову набок. – А ведь ты прав, дружище. В этом что-то есть... Слушай, Миха, возьми меня с собой!
- Да ты что!.. – в очередной раз изумился тот.
- А что такого? Ты напиши мне, что нужно, я сейчас сгоняю по магазинам, подкуплю... И отправлюсь в экспедицию с вами, а не с археологами... У меня ведь рюкзак тоже почти собран!
- Юрка, нет, ты ей-богу двинулся. – Михаил от удивления откинулся на спинку стула. – Ты что же, думаешь, поход в пещеру – это прогулка?
- Не прогулка, я понимаю. А что, у вас все "бывалые"?
- Да нет, есть два "чайника".
- Ну так я буду третьим. Идёт?
- Как у тебя всё просто!
- А что такого?
- Если ты всерьёз, то начинать нужно с простых маршрутов. Хотя... – Михаил немного поразмыслил. – Давай так. Вечером я уезжаю с ребятами на Хибины – без тебя, конечно же. Когда вернусь – так и быть, свожу тебя по какому-нибудь маршруту здесь, поблизости. Если не передумаешь.
- Окей, договорились.
- Только не вздумай ничего без меня приобретать, особенно из снаряжения, понял? В продаже полно халтуры, а в походе это может стоить жизни...
- Поговорив ещё немного, ребята расстались.
- Юрий пошёл к себе домой, а Михаил, стоя на балконе и наблюдая за ним, размышлял о том, сколь загадочна штука – человеческое сознание. А гениальность – вообще непостижимое явление. Откуда она у Юрия? Родители обычные, мать – медсестра, отец – инженер. Вот с ним,

Михаилом, всё гораздо проще: родители – геологи по призванию, и кто же у них должен был появиться на свет, как не такой же, как и они, законченный бродяга...

Михаил улыбнулся, вспомнив реакцию родителей, узнавших, что сын собирается после школы идти по их стопам – поступать на геологический.

– Да ты хоть представляешь – что такое геология, эта древнейшая на земле профессия? – возмущалась мать.

– Знаю: «умом и молотком, глазами и ногами...»

– Вот-вот! Грязь, сапоги, комары, бездорожье, а в рюкзаке за спиной – камни...

– Ма, ты ещё забыла – костры, романтика и дороги, дороги...

– Сын, романтика быстро развеется! Ни одна женщина не захочет такого мужа...

– И не надо...

– Молчи, глупый! Это тебе сейчас не надо...

В конце концов, после долгих уговоров стороны пришли к компромиссному решению: Михаил поступает в университет, но не на геологический, а на географический факультет. Мать радовалась своей маленькой победе и втайне надеялась, что с годами романтика сына развеется, однако пока Михаил оставался таким же бродягой, как и его родители.

Глава 3

Ника мчалась по мосту над железнодорожными путями. Рюкзак оттягивал её плечи, задевал многочисленных пассажиров, торопящихся, как и она, на поезд, что стоял под мостом. В голове девушки сейчас находилось всё одновременно: и досада на себя, копушу, умудрившуюся забыть билет на поезд, из-за чего ей пришлось возвращаться, и заканчивающаяся посадка в вагоны, и бегло замеченная внизу живописная компания её друзей – те, по одному, скрывались в вагоне.

Прыгая по ступенькам моста, она как-то умудрилась не споткнуться, никого не сшибить, да ещё и успеть проскочить в вагон перед самым носом руководителя группы – Михаила Шуляка, высокого стройного блондина, студента-пятикурсника с географического.

– Ника! Ты как чёртик из табакерки! – опешил тот.

– Проходите, проходите, не задерживайтесь, – поторопила их молодая проводница, и Михаил, замыкая группу, последним зашёл в вагон.

– Студенты, – сказала полная пожилая проводница из соседнего вагона, проводив глазами широкую спину парня в штормовке, с висящей на ней гитарой. – Весёлый, стало быть, у тебя, подруга, будет рейс.

На перроне остались только провожающие. Проводницы поднялись в свои вагоны, чтобы проверить – все ли посторонние вышли. Вскоре состав дёрнулся, громко лязгнув при этом, и перрон с провожающими медленно поплыл мимо вагонов.

Это бабушки трясутся над своими котомками и прячут их в укромные места под сиденья, а бывалые туристы быстро побросали свои рюкзаки на самую верхнюю полку. Удобно: если что-то понадобится достать, не надо будет никого беспокоить. А красть у них нечего. Воруют ценности, а не котелки и палатки с альпенштоками.

Все девять туристов давно знали друг друга. За их плечами было множество пройденных вместе дорог. И только для Тамары и Ники этот поход должен был стать боевым крещением.

Михаил достал свои записи и что-то там изучал и подсчитывал. Кто-то уже наигрывал на гитаре, девчонки суетились с закуской.

– Эй, не рано ли? – поднял голову Михаил. – Мы ещё и отъехать не успели...

В ответ ему раздались молодые жизнерадостные голоса:

– Не рано!

– В самый раз!

– Лопать охота!

Михаил, вернувшись к записям, пытался разобраться в своих же каракулях. Это у него не получилось, и он окликнул Нику:

– Ника, иди сюда. Как твоя фамилия, продиктуй.

– Эг-ли-те, – произнесла та по слогам.

– Латышка, что ли? – спросил Веня, не переставая брэнчать на гитаре.

– Ага.

– А к нам какими судьбами?

– Папу перевели по службе, мы переехали, вот я и перевелась.

– Мы уже подумали, что ты сдрейфила и не поедешь с нами.

– Я просто опаздывала... Извините.

– Ясно, – кивнул Веня, – жаль, что сообщить об этом ты не могла. Вот придумали бы переносной телефон, сразу можно было бы выяснить, что и почём.

Михаил запрятал, наконец, свои записи и включился в их диалог:

– У меня друг есть, Юрка, он гений с физмата, так вот он говорит, что такие телефоны уже есть. Правда, они весят много, больше килограмма...

– Ого! Ну уж в поход такую штуку не возьмёшь, однозначно!

– А почему бы твоему гениальному другу не усовершенствовать это изобретение, чтобы вес был поменьше? – вмешалась в разговор Людмила – невысокая, пухленькая и всегда улыбающаяся.

– Да у него столько всяких идей... Кстати, вот, – Михаил вынул из рюкзака небольшой прибор. – Это переговорник. Юрка его усовершенствовал и принёс мне перед самым отъездом. Испытаем в полевых условиях.

Ребята с большим интересом принялись рассматривать рацию.

В купе зашла проводница, проверила билеты и отправилась дальше.

После того, как приготовленный девчонками ужин был съеден, студенты втиснулись в одно купе и принялись петь негромкие задушевные песни, вызывая тем самым завистливо-добрые отклики в сердцах оседлых скучных граждан.

Дали, проплывающие мимо окон вагона, помимо восхищения бескрайностью просторов вызывают неудержимую потребность в разговорах, а тем более, если ты отправился в неизведанные и загадочные северные края. Вскоре те из студентов, кто испытывал такую потребность, уже вели беседы в соседнем купе.

– ...поскольку саами – это тема моей курсовой работы, – вполголоса объясняла Людмила.

– Странную ты тему выбрала, – пожал плечами Виктор. Два дня назад он решил отрастить бороду, и пока что выглядел просто небритым. – Саами – одна из малых народностей Севера, остальные люди, оленеводы. Больше похвастаться им нечем.

– "Отсталые"!.. Да они, возможно, самый древний народ Европы!.. – горячо возразила его собеседница. – Вот потому и выбрала, чтобы ознакомить таких, как ты, с необыкновенным и загадочным народом!..

– И что же в них такого необыкновенного и загадочного? – повернулась от окна черно-волосая восточная красавица Тамара. – Расскажи.

– Взять хотя бы их происхождение и язык – это пока что загадка, хотя версий множество. Но то, что они – праевропейцы – это факт!

– Я тоже много чего интересного о саами слышала от эстонских стариков, – кивнула Ника, светлые волосы и худощавое телосложение которой являли собой полную противоположность восточному шарму Тамары. – Говорят, что саами – самые сильные колдуны. И что пришли они откуда-то издалека подземными ходами.

– На самый Крайний Север, да? – фыркнул Виктор. – Что, эти подземные лешие для себя лучше места выбрать не смогли?

– Не перебивай! – возмутились девчонки.

– Иди-ка лучше бороду побрей, а то сам как леший!

– Да ну вас! Сказительницы...

Махнув рукой, Виктор отправился к ребятам в соседнее купе. Там он взял у Вени гитару и самозабвенно затянул очередную песню, которую тут же подхватили несколько голосов.

Веня же проследовал в третье по счёту купе и присоединился к «мозговому центру» в лице Михаила и Ивана – те уже в который раз спорили – теперь уже о тонкостях основного маршрута.

– А я говорю – сюда! – горячился Иван. – Посмотри, какая здесь глухомань! Ни одного населённого пункта! Настоящий медвежий угол. Если и искать вход в их сакральные пещеры, то только здесь!

– Вот именно – медвежий угол. Ничего, у нас есть проводник. Верно, Миха?

– Так-то оно так, но...

– Ты же говорил, что созванивался с этим, как его...

– Вейо. Да, созванивался. Но он же не знает точной цели нашего путешествия!

– И что?

– Пойми, Вейо – саам, и все эти места для них священны! Он может отказаться. Дошло?

– Подумаешь! Другого возьмём.

– Другого такого как Вейо нам не сыскать! Он ещё пацаном у моего отца проводником был.

– Толковый, видать, парнишка, раз геологическую партию вёл, – подключился и Веня. – Ну так пусть он нас проводит хотя бы к максимальной близости к своему святому озеру, а дальше мы уж как-нибудь сами. Компас и карта нам в помощь. Мы же не «чайники».

И три головы опять склонились над картой.

Глава 4

Угрюмы величественные просторы Севера, непостижимы они для пришлого люда. А вот для коренных жителей – это часть их души. Здесь для них всё живое: и шепот ветра в верховьях сказочного леса, и пружинящий моховой ковёр под ногами, и звон ручейков, и голос болот, и даже камни! Но самая главная, тщательно охраняемая всеми тайна – это кевве – сила камней. Нойды же, саамские колдуны – часть этой силы...

Солнце сделало круг над сумрачной тайгой и проникло в оконце небольшого бревенчатого домика, спрятавшегося в самой глубине чащобы. На его пологой крыше, изначально покрытой землёй и дёрном, всюду разрослись мхи.

Нойд Юхани, хозяин этого домика, крепкий мужчина лет пятидесяти с гаком, бесшумно поднялся со своего лежака, устланного мягким мхом, и заглянул за занавеску, где на вполне приличной постели должна была спать его дочь Вьокко. Однако её там не оказалось.

– Куда это она спозаранку ускакала? – пробормотал отец.

Впрочем, это его ничуть не насторожило: здесь, в глухом лесном крае, их жизнь была куда более безопасной, нежели среди людей.

Юхани потянулся и вышел во двор.

Собственно, двором эту полянку назвать можно было с большой натяжкой – так, небольшое, свободное от валежника и подлеска, место. Юхани специально не торил тропы к своему укромному жилищу: те, кому он доверял, в любое время могли прийти сюда, для прочих же путь был заказан. Да и не бывало здесь чужаков, которые смогли бы преодолеть норовистые реки, болотные топи и непроходимые лесные чащобы всего лишь для того, чтобы удовлетворить своё любопытство и поглазеть на настоящего саамского нойда. И правильно, потому что говорить с чужаками Юхани всё равно не стал бы.

Обойдя стороной валежник, ветви которого переплелись с подлеском, мхами и лишайниками, Юхани спустился к ручейку, что журчал за деревьями, в низине. Он умылся и напился прозрачной воды, прямо с колен, по-звериному. Затем поднялся, прошёл на небольшой взгорок к огромной раскидистой пихте и присел, прислонившись к ней спиной.

Лес был наполнен привычными звуками: шумом ветра, пением птиц, журчанием ручья. Послышался едва уловимый шорох, и с дерева на его плечо прыгнула белка, повела любопытной мордочкой – нет ли привычного угощения – и перебежкам метнулась дальше, на другое дерево.

Бегущие воды ручья, словно река Времени, перенесли мысли Юхани в те далёкие дни, когда он был ещё не знаменитым нойдом, а простым двенадцатилетним мальчишкой. Кто бы мог подумать, что именно в тот год закончится его детство?

Кочевали они тогда у самой финской границы, по другую сторону которой жили родственники Айникки, матери Юхани. Граница не была для них преградой – как же не побывать у своих? Видимо, этот факт и стал главным пунктом обвинения его родителей в контрреволюционном заговоре против власти. Контра – такое слово впервые услышал Юхани именно тогда.

В тот день он проверял силки на дальнем участке, когда услышал выстрелы где-то в стороне своего стойбища. Это насторожило Юхани. Мальчик внимательно прислушался. Если отец решил поохотиться, то почему об этом не сказал? Он ведь собирался сегодня рыбачить?.. Прихватив пару куропаток, попавших в силки, мальчик не стал проверять остальные и заторопился домой.

Стойбище встретило Юхани непривычной пустотой и тишиной. Вместо родителей он увидел незнакомого худощавого человека в чёрной кожанке, с тонким крючковатым носом и холодным взглядом чёрных глаз. Тот по-хозяйски расхаживал по стойбищу. Увидев паренька, он злобно, словно пёс, рявкнул:

– Кто таков?.. Имя?..

– Юхани... – мальчишка окинул глазами стойбище, в котором не было слышно привычных звуков жизни. – А где все? Где мои родители?..

– А, так ты тоже контра!.. – произнёс непонятное слово незнакомец и оскалился – хищно, по-волчьи. – Ну идём, отведу тебя к ним. Это недалеко. Вон туда, по тропке...

Юхани не всё понял из его речи, являющей смесь из саамских и каких-то незнакомых слов. Но человек кивнул в сторону тропки, и Юхани подумал, что мать пошла к реке за водой. Почему же вместе с ней отправился и отец, оставив гостя одного? Наверное, решил наловить гостю рыбу, понял Юхани и направился вперёд по тропе, куда указал ему незнакомец. Тот последовал за ним.

Однако через несколько метров мальчика стало охватывать чувство недоверия к этому человеку. Почему он идет сзади, молча и тихо, словно охотник, скрадывающий дичь?.. И кто, а главное, зачем, стрелял?.. Юхани остановился, и в этот момент незнакомец ткнул его в спину чем-то, похожим на дуло ружья, только гораздо короче:

– Шагай, шагай, контра, вон туда, к болоту...

К болоту?.. Зачем?..

Вот тут-то он, Юхани, впервые услышал этот зов. И не только услышал, но и увидел – незнакомого седобородого старца в обычной саамской одежде. Тот стоял чуть поодаль, справа от тропинки, у сейда, и звал его:

– Юхани! Иди сюда, Юхани. Иди ко мне и ничего не бойся.

Человек, шагающий сзади мальчика, похоже, ничего не слышал и не видел. По крайней мере, он никак не отреагировал на старца. А Юхани отчего-то сразу поверил ему. Может, потому, что тот был свой, саам?.. Или потому, что он знал его имя? Как замороженный, мальчик сошёл с тропы и направился к сейду. Воздух вокруг него закачался, словно вода в озере, и остановился лишь тогда, когда мальчик приблизился к старику. Тот погладил его по голове и, легонько повернув за плечи, сказал:

– Смотри...

Юхани обернулся и увидел человека в кожанке на той же самой тропинке. Он ошеломлённо оглядывался вокруг, тряс головой, тёр глаза и, наконец, заорал:

– Ты где, контра?.. Выходи, мать твою!..

Затем стал бегать взад и вперёд, оглядываясь, а потом начал стрелять во все стороны из короткого ружья. Юхани напрягся, но старик подбодрил его:

– Не бойся. Мы для него недоступны. – Помолчав, добавил: – этот человек убил твоих родителей там, возле болота. Он называл их врагами народа. Очень хорошо, что ты услышал мой зов, ведь таких становится всё меньше. Я звал и твоих родителей, но безрезультатно...

– Я убью его! – рванулся было Юхани, но старик удержал его.

– Остановись. Им уже не можешь.

Человек между тем направился прямо к ним и... Он как-то взобрался наверх! Мало того, он топтался над головой Юхани и старца, словно стоял на твердом невидимом камне, оглядываясь во все стороны и бормоча:

– Куда же он подевался, змеёныш?.. Надо было прикончить его прямо там, в стойбище...

Внезапно Юхани начал кое-что понимать... Он уставился на старца во все глаза.

– Мы что – в сейде?!.. Ты управляешь кевве – каменной силой?.. Ты – нойд?

– Да, – кивнул старец, – я нойд Урхо, и мы с тобой – внутри сейда. Этому злодею сюда не пробраться.

Юхани ткнулся было в сторону, но уперся в твердь. Такая же твердь окружала их со всех сторон. Мало того, она стала темнеть, превращаясь в обычный камень, скрыв человека в черной кожанке.

– Я убью его!.. – повторил Юхани. – Я отомщу!..

Старик покачал головой.

– Этот человек пришёл на наши земли не один, их много. И очень скоро они изменят здесь всё, всю жизнь. Те из нас, кто останется, будет терять своё лицо. Многие забудут родной язык и обычаи, перестанут чтить предков. Много, много горя принесут сюда чужие люди.

– Надо собраться всем вместе и выгнать их!

– Наш народ слишком малочислен, – вздохнул нойд Урхо. – Этих людей ведёт чужая злая сила, нам её не остановить. – Тут голос старца зазвенел: – но священные силы нашей земли никогда не иссякнут! Пройдут годы горя и лишений, будет торжествовать зло, но мы обязаны хранить кевве... И наши земли снова станут свободными! Вот тогда и будет наш народ жить счастливо. А эти чужаки навсегда уйдут из нашего края... Смирись с потерей, мальчик, сейчас ты ничего не изменишь...

Как не крепился Юхани, по его щекам полились слёзы. Он был тогда просто мальчишкой, но в полной мере осознал своё одиночество и понимал, что, потеряв отца и мать, остался один на один со всеми трудностями жизни.

– Может, я пойду к родственникам в соседнее стойбище? – Юхани поднял мокрое от слёз лицо. – Наймусь пасти оленей...

– Нет, Юхани, – покачал головой старец, – ты из тех немногих, кто слышит голос предков, и ты должен помочь своей земле и своему роду, должен стать Хранителем кевве. Но сейчас тебе нужно уйти как можно дальше отсюда, туда, где ещё долгие годы не появятся эти люди. Только в уединении ты научишься видеть невидимое и слышать неслышное. А пока...

Он шагнул в сторону, и Юхани увидел тоннель, скрываемый дотоле спиной старика. Стены и потолок его были блестящими, словно отполированными, и в них отражался неяркий свет, источника которого не было видно.

– Смотри, – указал старик на виднеющийся на потолке странный знак, похожий на змею, обвившую стрелу. – Там, где змея свернётся в кольцо, будет выход. Там ты будешь жить и хранить наши святыни.

Юхани в свои двенадцать лет умел многое, но как прожить одному, без родных?.. Он умоляюще взглянул на старика.

– Пойдём вместе! Я многое умею – и куваксу поставить, и охотиться...

– Нет, Юхани, – покачал головой старый нойд, – моё место здесь, в этом сейде. А ты должен научиться слышать – неслышное, и видеть – невидимое. Научиться же этому можно только вдали от всех.

– Но разве же я не услышал и не увидел тебя?

– Этого мало, Юхани. Скоро ты сам поймёшь.

– Но что я должен понять?..

– Придёт время, узнаешь. И ещё – стань счастливым сам и помогай в этом другим. Поверь: каждый из тех, кто ушёл по тропам предков в мир, где нет печали, очень хочет видеть вас, живущих, счастливыми.

– Я не совсем понимаю...

– Должны пройти годы, прежде чем ты осознаешь смысл моих слов. Вот, возьми, – нойд протянул мальчику старинный костяной нож, в центр рукоятки которого был вставлен прозрачный камень. – А теперь иди. И ещё: эту дорогу забудь, и никому не открывай её – даже под страхом смерти!..

– Вот ты где, отец, – послышался девичий голос, и на тропке показалась дочь – Вьокко.

Юхани поднялся, взял у неё из рук ведро, зачерпнул воду хрустальной чистоты, и они вместе направились по тропинке обратно, на крохотную поляну. Именно здесь Юхани, тогда ещё совсем мальчишка, обустроил своё первое жилище – куваксу, а внизу, возле ручья – баню.

И жил так до тех самых пор, пока не встретил Ирене. А уж для неё построил эту бревенчатую избушку – тупу...

Дочь подала на завтрак свежее испечённые лепёшки, грибную похлёбку и напиток из клюквы. Муку по мере надобности им доставляли знакомые саами, а грибы и ягоды они запасали сами на всю зиму.

Глаза Бьокко сияли, и Юхани подумал – с чего бы это? Но спрашивать не стал: сама расскажет, если захочет.

После завтрака Юхани отправился на охоту – проверять силки.

Бьокко ничего не рассказала отцу о своей встрече с Ульясом, и уж тем более не сказала, что он – сирти. Теперь постоянно, с замиранием сердца, прислушиваясь к каждому шороху, она ждала своего избранника, Ульяса – самого замечательного на свете парня!.. Правда, других она знала совсем немного: Виктора, Никаса да Анте – они со своими отцами привозили сюда продукты раз в полгода, по очереди. Первые два воняли рыбой и водочным перегаром, а Анте однажды полез к ней под юбку, за что получил поленом по голове.

Юхани проверил силки, собрал дичь и снова присел отдохнуть, опершись спиной о дерево. Не сказать, чтобы устал – так, воспоминания нахлынули, не отпускают...

... Вот старый нойд, приказав ему стоять на месте, отодвинулся, а затем что-то пробормотал вполголоса на незнакомом языке. И в следующее мгновение вокруг него, Юхани, словно мошки над болотом, зароились то ли светящиеся пылинки, то ли крохотные искорки. Он даже отмахивается от них вначале. Затем эти огоньки, словно по чьей-то команде, закружились все разом в одну сторону, по кругу, слившись в световой кокон вокруг мальчика, словно облачко, а потом вдруг пропали.

Юхани осмотрелся. Теперь он стоял совершенно в другом месте, один. Впереди была каменная стена, а за его спиной тянулся длинный полутёмный тоннель, резко сужающийся – не протиснуться даже ему, мальчишке. Зато на стене, перед самым носом, мальчик увидел Знак, о котором ему сказал нойд.

Но ведь это же был тупик, каменная стена! Помнится, он долго ломился в неё, стучал руками, ногами, искал малейшую щель – всё было тщетно. И, уже совсем потеряв надежду, провёл пальцем по начертанному Знаку, обрисовывая его...

Вдруг заколыхался воздух, каменная стена стала светлеть, становясь прозрачной, и, наконец, впереди открылся выход. Юхани с торопливой опаской двинулся туда, где сияло самое настоящее солнце и зеленели ветви елей. Сделав несколько шагов вперёд, он оглянулся и увидел, как за его спиной полупрозрачный камень тускнеет, приобретая вид самого обычного сейда, на котором лежал узелок с принесённой кем-то едой – так местные жители задабривали духов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.